

И. В. Русских

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара*ГОРОД И ГЕНДЕР В РОМАНЕ Т. ДЖ. СМОЛЛЕТТА
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОДРИКА РЭНДОМА»

Аналізуються сучасні дослідницькі погляди на творчість Т. Дж. Смоллетта, який сприймається як письменник, що вмело змішує у своїх текстах мови високої й орієнтованої на широкий читацький попит літератури, романіст, який збагатив літературну антропологію свого століття, художник, що майстерно володіє мистецтвом візуалізації нарративу. В романі Т. Дж. Смоллетта «Пригоди Родрика Рендома» представлено образ міста як простору, який закладає розірване світовідчуття смоллеттовського протагоніста. Розглядається щоразу новий досвід перебування героя в урбаністичному середовищі, фіксуються гендерні ролі чоловіків і жінок та зміни у нормах їх поведінки.

Ключові слова: урбаністичне середовище, жанрова еkleктика, роман кар'єри, гендерні ролі, жіноча типологія.

Анализируются современные исследовательские взгляды на творчество Т. Дж. Смоллетта, который воспринимается как писатель, умело смешивающий в своих текстах языки высокой и ориентированной на широкий читательский спрос литературы, романист, обогативший литературную антропологию своего века, художник, мастерски владеющий искусством визуализации нарратива. В романе Т. Дж. Смоллетта «Приключения Родрика Рэндома» представлен образ города как пространства, которое закладывает разорванное мироощущение смоллеттовского протагониста. Рассматривается каждый раз новый опыт пребывания героя в урбанистической среде, фиксируются гендерные роли мужчин и женщин и изменения в нормах их поведения.

Ключевые слова: урбанистическая среда, жанровая еkleктика, роман карьеры, гендерные роли, женская типология.

The article provides modern views on Smollett's personality as a writer. He is regarded as a novelist who is mixing the languages of high and commercial literature in his works. His novels are praised for visual quality and verbal pictures as well as the images of protagonists experiencing the feeling of alienation, the sense of dislocation from home, society, and order. Smollett's heroes-wanderers seem to be organic to Smollett's understanding of the novel, the protean form of which accommodates different kinds of narrative composing 'eclectic mix', rejecting the organic model of narrative construction for the sake of apparent formlessness.

The presented research provides the analysis of such issues as gender and city-image in Smollett's first novel 'The Adventures of Roderick Random' (1748). The locus of the city is the key one in Smollett's writings. Urban environment is viewed as a place entering which the hero faces with the sights and sounds of a chaos, viciousness, rather than the place of modern conveniences. The result of living in the city is fragmentation of the self. It is stated that the natural place for the dramatization of such conflict in Smollett's novels becomes London. Roderick Random comes to English capital several times, and every arrival shows how his behavior changes according to circumstances – whether he is a displaced hero 'in a strange place', or an adventurer and 'female hunter' elaborating matrimonial schemes in the society of fine gentlemen. The article stresses minor roles that women play in Smollett's novels. Their fortunes are tied to the adventures of the men in their world.

Key words: urban place, eclectic mix, the novel of career, gender roles, female typology.

Родрик Рэндом – герой романа, который откроет широкому читателю имя молодого автора, двадцатисемилетнего Т. Дж. Смоллетта, принесет ему резонансный успех в среде литераторов, критиков, и это смягчит горечь разочарования молодого сочинителя, честолюбивого шотландца, чьи первые опыты в поэзии, драма-

тургии, по мнению самого писателя, были недооценены¹. Спустя год вниманием читательской аудитории завладеет «Том Джонс» (1749) Филдинга, состоявшего драматурга, остролова и пересмешника, романиста, которому судьба уготовит роль литературного соперника как Смоллетта, так и Ричардсона. К этому времени Ричардсон и его тексты «Памела» (1740–1741) и «Кларисса» (1747–1748) пользуются особым расположением искушенной лондонской публики.

Однако житейская история Родрика Рэндома, изложенная Смоллеттом, не померкнет в ряду произведений значительных, а впоследствии признанных классиками романистов, напротив, будет соотнесена со своеобразным опытом реформирования жанра, затем столь изобретательно реализованного Смоллеттом в «Перегрине Пикле» (1751) и «Хамфри Клинкере» (1771), книгах, ставших хрестоматийными в истории английской литературы.

«Родрик Рэндом»² (1748) явил собой пробу пера прозаика, творчество которого исследователи станут воспринимать неоднозначно и поначалу увидят в нем лишь художника второго ряда, уступавшего по даровитости романистам-«премьерам», Ричардсону, Филдингу, Стерну [12]. Однако литературные критики постоянно будут испытывать чувство вины перед Смоллеттом и утверждать, что его незаурядный талант, литературная деятельность, репутация историка, журналиста, издателя, романиста, критика и переводчика явно недооценены.

Отношение к Смоллетту долгое время будет переменчивым и неоднозначным. После столетия снисходительного восприятия его произведений в XX в., поначалу благодаря йельской школе³, набирает силу движение за возвращение его в ряды писателей, во многом определивших стилевые тенденции эпохи. В последние десятилетия острота споров о Смоллетте смягчилась, однако стремление восстановить объективность и полноту взглядов на его художественные искания сохраняются. Сложившаяся в истории литературы традиция понимания фигуры Смоллетта как романиста, привившего в Англии вкус к западноевропейской пикареске и одновременно преобразившего его, не оспаривается [7; 17]. Однако растет убеждение в том, что Смоллетт органично впитал в себя и по-своему передал дух переходности эпохи, умело смешивая в своих текстах языки высокой и ориентированной на широкий читательский спрос литературы [6]. В Смоллетте видят романиста, обогатившего литературную антропологию века. Он предложил читателю образ героя, драматически переживающего разорванность мира, несущего на себе бремя отчуждения от социума, столкнувшегося с опытом существования в пространстве разных культур – шотландской, английской и вызревающей

¹ Смоллетт начинает свой путь как поэт и драматург. Однако, если его первые поэтические тексты нашли отклик у читателей (поэма «Слезы Шотландии», 1746, «была ... ввиду очевидного историко-патриотического пафоса, положена на музыку») (А. Ливергант, 2005), то отношения с театром не заладились. Как отмечал сам Смоллетт, Джеймс Леси ... отверг его трагедию «Цареубийство» (1739), отдав приоритет пьесе Чарльза Маклина «Король Генрих VII», также отказались представлять трагедию на сцене Дэвид Гаррик и Джеймс Куин [9, р. 78].

² «Приключения Родрика Рэндома», вышедшие анонимно, авторство которых поначалу приписывали Филдингу, имели «мгновенный, впечатляющий и длительный успех» [10, р. 94; 17, р. 39]. Роман привлек внимание читателей, стал популярным, переиздавался большими тиражами, имя заглавного героя вошло в моду настолько, что значилось в заголовках многих драматических постановок [10, р. 96–99].

³ В XX ст. заметное оживление исследовательской активности, многообещающе аттестованное О. М. Брэком «революцией» в изучении Смоллетта, происходит благодаря усилиям единомышленников, направляемых профессором Ч. Б. Тинкером, возглавлявшим отдел редких книг в библиотеке Йельского университета с 1931 по 1951 гг. [18, р. 9]. Именно благодаря йельским филологам – Г. С. Баку (1925), Л. М. Нэппу (1928), Л. Ф. Норвуд (1931), Р. Патни (1936), Л. Л. Мэрцу (1939), А. Паркер (1939) – художественные тексты Смоллетта входят в пространство активных научных изысканий.

британской идентичности [9]. Писатель соотнесет сложный протестичный характер героя, в котором ощутимы черты современного мироощущения (в нем доминируют психоэмоциональная подвижность и неустойчивость), с эпизодической, фрагментированной структурой романа, где «правильная, регулярная форма повествования оказывается неорганичной» [4, р. 35–36]. В последние годы исследователи, дополняя идею П.-Г. Бусе о тематическом единстве рыхлых и композиционно свободных текстов писателя, предлагают оценивать их в ключе поэтики пространственности, учитывая искусство визуализации нарратива, которым владеет Смоллетт [5; 4].

По-своему воспринимают критики новой волны и значение для Смоллетта опыта испанской пикарески. Исследователи не только констатируют сдвиги, происходящие в жанре (на уровне героя, природная дихотомия которого предстает как «маркер нестабильного, разорванного, двойственного мира»), но убеждены, что в своем жанровом эксперименте Смоллетт отказывается от чистоты литературной формы и тяготеет к смешению («eclectic mix») художественных моделей жизнеописания⁴, мемуарной литературы, похождения авантюриста, традиции социального нравоописания [8, р. 33; 4, р. 75]. Сквозь жанровые слои ощутимым становится движение художника к созданию романа-карьеры: тема дороги, пути героя, не укорененного в социуме, подчиняется образу игрока, искателя успеха, делая его опыт скитальчества и путешествия индивидуально-личностным.

Важным сюжетным поворотом в жизни персонажей Смоллетта – Родрика Рэндома, Перегрин Пикля, Фердинанда Фатома – оказывается испытание в пространстве города, где их приключения становятся более сложными, они ощущают давление среды, учатся к ней приспосабливаться, переживают падения, взлеты, расценивают город как сцену, на которую выходят, играя роли, меняя костюмы, маски, выступают в различных амплуа, движимые жаждой успеха, тщеславием. Однако череда побед часто сменяется поражениями. Именно Лондон оказывается тем социальным пространством, которое предоставляет протагонисту возможность общения с людьми разного статуса и жизненного опыта. Каждое пребывание героя в Лондоне (хотя и довольно непродолжительное) определяет перемены не только в его жизни, но и в его характере.

Первое знакомство Родрика Рэндома со столицей (глава XIII) состоится, когда ему исполнится восемнадцать лет. В натуре Рэндома уживаются различные стремления и наклонности. По отцу он принадлежит к влиятельному шотландскому клану, однако низкое происхождение матери лишает его прав на наследство. К тому же судьба не милостива к его родителям, Родрик рано становится сиротой и поддержка со стороны родственников отца оказывается временной и ненадежной. Уже в детские годы Рэндом зарекомендует себя как талантливый ученик, имеющий склонности к литературе, он впечатлителен, сердечен, не свободен от гордыни, амбиций, предстает как «упрямый, исполненный достоинства шотландец», который «успешно преодолевает дорогу, ведущую в Англию» (С. Джонсон) [7, р. 36; 5, р. 107]. Получив небескорыстно деньги от Ланчелота Крэба, в течение двух лет обучавшего его врачеванию, Родрик отправляется в Лондон 1 ноября 1739 г., мечтая «поступить на военный корабль помощником морского врача» [3, с. 46–47, 86]. Уже в первые «сорок восемь часов» шотландец столкнется с грубостью и неприязнью, не поможет ему и рекомендательное письмо, адресованное Кринджеру, «члену парламента», который не окажет поддержки провинциалу и простаку, «не знающему жизни» [3, с. 86, 92, 88, 100]. Пройдет время, и Родрик обучится искусству выживания в неудобном, враждебном Лондоне, однако осознает контраст между опытом столицы и тех провинциальных город-

⁴В «Родрике Рэндоме», где много автобиографических сходжений истории заглавного героя с жизнью автора, видят текст, «повествующий о ключевых моментах его молодости» (Р. Андерсон, 1811) [5, р. 44].

ков, где он получал временное пристанище в периоды скитаний и странничества. Герой теряется в лабиринте улиц и закоулков, становится жертвой ловких плутов, лишается денег, не сумеет избежать «ловушек, расставленных в столице для неопытных людей» [3, с. 95]. Именно площади, многолюдные улицы и бойкие перекрестки окажутся теми подмостками, где развернется «битва за жизнь» Родрика Рэндома, в котором часто узнавали самого Смоллетта [5, р. 109]. Дж. Бизли полагает, что Смоллетт поделился со своими персонажами собственным чувством восприятия городского пространства человека Нового времени, который не безболезненно усваивает уроки урбанистической культуры. Вероятно поэтому во многих текстах Смоллетта присутствует мотив видения Лондона как «непривлекательного, заполненного толпой города⁵, несущего зло обитателям» [4, р. 7; 14, р. 22].

Образ города для романов Смоллетта – ключевой. Он его живописует не только как данные протагонисту обстоятельства современного существования, но и «тревожащую, приводящую в замешательство», «наполненную картинами и звуками хаоса» среду, обостряющую новизну, модерность мироощущения смоллеттовского «героя-чужака» ('outsider'; 'displaced person'), ошеломленного неожиданной жестокостью и несправедливостью, порочностью нравов и людей, с которыми ему приходится здесь встречаться [4, р. 7–8; 13, р. 111; 3, с. 97]. Пребывание в Лондоне усиливает у Родрика чувство одиночества, бесприютности, порождает проблему общения. Он не только испытывает враждебность со стороны горожан, подвергается оскорблениям и унижениям, но и становится объектом насмешек из-за шотландского акцента, от которого стремится избавиться, обучаясь нормам английского языка [3, с. 99, 92, 86, 87–88]. Рэндом поначалу теряется, не находит приемлемых для себя правил поведения, и настроение растерянности перед вечно изменчивыми обстоятельствами заставляет его оценивать жизнь как «бесконечный поток превращений» [4, р. 15]. Родрику трудно понять механизм социальных отношений, столь неустойчивый для Лондона. Он пока лишь обескураженный зритель картин, сцен, героев повседневной жизни столицы. Его приводит в замешательство «способ столоваться» («нырять в подвал»), к которому «прибегают те, кто склонен или вынужден жить бережливо», впечатляет умение мистера Лявмана изготавливать лекарства по рецепту врача, не имея необходимого снабдьа [3, с. 89, 132].

И в первое посещение Лондона, затянувшееся более чем на восемь месяцев, и во второе, весьма непродолжительное, Рэндом будет иметь возможность рассчитывать на помощь верного друга Стрэпа, разделившего с ним «участь шотландцев в чуждой, враждебной им Англии» ('anti-Scottish rejection before being submitted to the corrupt society of London') [12, р. 9; 15, р. 67–68]. Попадая в бесконечный лабиринт улиц, они спрашивают дорогу, получают неверные указания, «поворачивают то влево, то вправо, то снова влево», попадают на берег реки и затем у «владельца свечной лавки неподалеку от Сен-Мартин-Лейн» снимают «комнату на третьем этаже», которая едва ли становится домом [3, с. 87, 89]. Ощущение беспомощности перед городской толпой лишь нарастает [3, с. 87, 119]. Родрика, приехавшего в город в надежде обрести богатство, настигнет чувство тоски и одиночества в мрачных съемных помещениях, где ему отведены лишь «маленький дрянной трактир», чердак, узкие каморки, наполненные зловонием погребки и подвалы, «как подземная тюрьма» темные, маленькие комнатки («такая маленькая, что, когда в ней установили кровать, мы должны были вынести всю остальную обстановку и пользоваться кроватью вместо кресел») [3,

⁵ Образ Лондона как «города, где процветают худшие из пороков», где «наивный, простодушный человек ежедневно может стать жертвой мошенничества» впервые возникнет на страницах поэтических сатир Смоллетта. В 1963–1964 гг. в Париже Андре Парро прочитает лекционный курс «Смоллеттовский Лондон» [14, р. 21–22].

с. 50, 152, 89, 12, 105, 108, 129, 152, 186]. Такие небольшие «унылые» обиталища, холодные коридоры, где он ютится, сливаясь с хаосом города, определяют пока еще скудные возможности, дарованные ему судьбой, отнюдь не благосклонной к Рэндому [3, с. 101, 186].

Приметами поражения, первых неудач на пути к успеху окажутся те границы Лондона, в которых Родрик Рэндом вынужден будет существовать: это окраины, редкие посещения центра города (Сити, Челси, Сен-Джемской рыночной площади) и олицетворяющих власть институтов (военно-морского ведомства, Палаты хирургов). Смоллеттовский протагонист живет в очень неприглядном, теновом Лондоне (снимает жилье недалеко от церкви Сен-Джайлс, Сен-Мартин-Лейн, посещает лавчонки, пивные, подвалы, погребки, арестный дом), его движение в столице, как правило, соотносится с его социальными ролями [3, с. 92, 105, 138, 119, 89, 151]. Потеряв надежду на быстрый путь к процветанию и славе, имея «звание второго помощника лекаря третьего ранга», Рэндом не будет принят на корабль, не сможет обрести профессию, о которой мечтает. Он поступит в услужение к аптекарю Лявману, постепенно узнавая столицу, откроет для себя другой Лондон, «город-досуг», где избавится от неуклюжих манер, обучится танцам, посетит в праздничные дни театр, утвердится «оракулом в пивной», придет к мысли о выгодной партии с богатой наследницей и даже наметит для себя возможную избранницу, мисс Уильямс [3, с. 123, 129, 137, 143].

История мисс Уильямс (главы XXII–XXIII), дочери купца из Сити, молодой девушки, наивной и простодушной, ставшей жертвой вероломства своего избранника, напоминает судьбу самого Родрика, служит параллелью тому «плачевному положению», в котором он оказывается в городе, «зараженный болезнью, потерявший доброе имя, лишившийся денег и друзей» [15, р. 229; 3, с. 150, 153].

Влекомый течением «судьбы-реки», он окажется неготовым к испытаниям столицы и будет вытеснен за ее пределы (на Тауэр Хилле на него нападает банда вербовщиков и доставляет на борт судна) [3, с. 87, 180–181]. Здесь начнется следующий этап его жизни, который приведет к морским и военным приключениям (участвует в осаде Картахены на стороне британских войск; Деттингенском сражении в составе французской армии).

Если первый эпизод знакомства с Лондоном (главы XIII–XXIV) пока еще провинциального героя, не умеющего бороться с жизненными невзгодами, связан с безуспешными поисками покровителя, то уже второй приезд Родрика в столицу (главы XLV–LIII), к которому он тщательно подготовится (испытает себя и свою судьбу на поприще войны, приобретет мужественные черты, изменится внешне, совершит образовательное путешествие в Париж), покажет читателю изменившегося персонажа, теперь уже праздного искателя приключений⁶, который будет стремиться найти не столько достойную службу, профессию, сколько быструю дорогу к успеху. Теперь уже социальным пространством, органичным Рэндому, «весьма видному джентльмену», становится лондонский свет, где он может показать себя, завести полезные связи, реализовать неосуществившиеся ранее «матримониальные планы» [15, р. 37]. Смоллетт проведет своего героя через центр города, его знаменитые кофейни (кофейня Бедфорда), трактиры (трактир «Национальный флаг» в Уэппинге), ассамблеи (ассамблея в Хэмстеде), обозначит главные улицы (Чаринг-Кросс, Мейл, Тоттенхем-корт-род, Уайтхолл, Бонд-стрит, Темпл, Монмаут-стрит) [3, с. 320, 334, 356, 358, 346, 371, 372, 397]. Изменится и круг общения Рэндома. Если прежде он сталкивался с низшими слоями лондонцев, остро нуждающимися в средствах: слугами, лакеями, щеголями-

⁶Посетив Францию – Лувр, Люксембургскую галерею, Версаль, – побывав в театрах, операх, на маскарадах, явившись «несколько раз ко двору», герой откроет для себя притягательность светского образа жизни [3, с. 319].

обманщиками (Джексон), безродными и падшими женщинами (мисс Уильямс), – то следующий опыт пребывания протагониста в Лондоне откроет для него героев светского общества: вельмож (лорд Стрэдл, граф Стратуел), военных, лекарей (мистер Уэгтэйл), художников (мистер Слейбут), актеров [3, с. 100, 105, 106, 319–320, 335, 348].

Теперь уже Родрик хорошо ориентируется в Лондоне, он динамичен, не знает покоя, часто прогуливается («пошли по Мейл, по которой два-три раза прошли»), интересно проводит время на аукционах картин, балах, в кофейнях, встречается с друзьями, становится участником шумных кутежей и дуэлей [3, с. 356, 365, 320, 359, 335, 348, 397, 360–363]. Желая обрести успех, заключить выгодный брак и оседлать судьбу, Рэндом усваивает светский тип поведения, становится галантным игроком, примеряющим на себя «титул маркиза», которому выпадет честь «открыть бал с богатой наследницей» [3, с. 370]. Город-театр как форма жизни героя определит и его социальные роли: его назовут «чудом учености», «остроумцем и критиком», будут приписывать маски «переодетого иезуита», «агента», считать «высочкой и игроком», «ирландцем, гонящимся за богатыми невестами» [3, с. 334, 353, 371]. Испытывая стеснения в средствах, стремясь поправить состояние, теперь уже расчетливый Родрик выбирает себе состоятельных наперсников (Бентера, «приятного джентльмена хорошей фамилии»), прибегает к уловкам, стремится завоевать сердце «высокомерной», не ведающей «никаких страстей, кроме тщеславия», Мелинды Гузтрэп, поразить «защищенную чванством» Бидди Грайпуел, однако терпит поражение и из «охотника» и ловца денег невольно превращается в «мишень для преследования» («from the hunter... become the hunted») [5], объект желаний и влечений (о правах на него заявляет перезрелая дама Уитерс, которая желает обрести для себя игрушку в лице молодого, привлекательного мужчины) [3, с. 358, 379, 387, 369, 348, 368–371, 375–376, 379].

Исследователи подчеркивают, что Смоллетт, живя в Англии, которая в XVIII ст. считалась «мужским типом мира» («man's world»), писал тексты, «адресованные мужской аудитории» [16, р. 1, 5]. «Маскулинное начало» оказывалось первичным, доминирующим и в социальных ролях, формах деятельности, семейных отношениях, в то время как все женское определялось как вторичное, подчиненное сильному полу [1, с. 139]. Женщинам в романах Смоллетта не дана свобода, предоставленная персонажам-мужчинам, им остается совсем небольшое с социальной точки зрения пространство⁷, они заняты лишь поддержанием дома и семьи. Их судьбу определяют мужчины, которых они сопровождают, довольствуясь «ролью спутниц», участниц происходящих приключений, становясь объектом домоганий «в большей степени похотливых, нежели сентиментальных» героев (Ф. Грин, 1966) [16, р. 9, 12]. Едва ли можно говорить, что типология смоллеттовских героинь полностью укладывается в оппозицию добродетель / порок. Хотя в текстах и присутствуют романтические женские фигуры, которые, оказываясь избранницами протагонистов, являются воплощением идеальных качеств: верности, духовной красоты, нравственной чистоты (Нарцисса, Эмилия, Мониция-Серафина, Аурелия), все же, отмечает Л. Мелвил, в «Родрике Рэндоме» «большинство женских образов отнюдь не являются привлекательными» («vastly unpleasing») [11, р. 44]. Смоллетт выводит на страницы романа множество социальных типов женщин: служанок, кухарок и горничных (Бетти, Бидди, миссис Уизел), куртизанок и держательниц борделей (Дженни Рэппер, миссис Каплер, мисс Уильямс), молодых актрис (Кларинда), целительниц, слывающих колдуньями (миссис Сейджли), эксцентричных старых дев (тетка Нарциссы), дочерей аптекарей (мисс Лявман) и фермеров (На-

⁷ Из 114 персонажей первого романа Смоллетта, имеющих имена, всего лишь 25 – женщины.

нетт), знатных леди (миледи Фларейт, миссис Дэнти, леди Стэйтли, миледи Лерум, мисс Бидди Гаглер), «неисправимых кокеток» с большим приданым (Мелинда Гузтрэп, Бидди Грайпуел, мисс Спаркл), «дряхлах дульциней» (мисс Уитерс), богатых, но с физическими изъянами наследниц (мисс Снэппер) [3, с. 271–272, 331, 375, 398–403]. Многих из них роднит ощущение обиды, нанесенное сильным полом, негодование по поводу «мужской неуловимости» и безнаказанности ('elusiveness of the male'). Находясь в финансовой зависимости от мужчин, смоллеттовские героини вынуждены подавлять в себе возмущение и «ненависть», хотя эти чувства «вырываются наружу». Любопытно, что, несмотря на мужской взгляд на мир, в романах Смоллетта находят отражения «изменения в нормах женского поведения», которые произошли в XVIII в. [2]. Так, в «Родрике Рэндоме» героини либо одиноки, подвержены унижениям и преследованиям, лишены возможности сопротивляться (мисс Уильямс), либо идут против воли брата, борются за счастье и обретают его (Нарцисса), либо, имея богатство, не желают пренебрегать свободой устроить свою жизнь, выставя напоказ абсолютно неженский характер (Мелинда Гузтрэп, Бидди Грайпуел). Эмансипированные и независимые, ведущие светский образ жизни, становясь предметом интриг в мире мужчин, отнюдь не исполненные добродетели, они отказываются выполнять предписанные им гендерные роли, демонстрируя несвойственное чувство расчетливости, холодности и бесчувственности, не оставляют протагонисту «ни малейшего шанса на победу», подтачивая главенство сильного пола [3, с. 348; 5, р. 119].

Обманутый в своих чаяниях, Родрик подумывает «о службе правительству» и в стремлении сделать карьеру находит покровителей-аристократов (лорда Стрэдла и графа Стратуела), которые не только обирают, но и преследуют его [3, с. 379]. Искушение протагониста тщеславием продолжится в Бате (главы LV–LX), курортном городке, куда он направится после неудавшихся попыток быть принятым в высшее общество. Светские увеселения (в ассамблее, Галерее минеральных вод, Большом зале), «авантюры и любовные шалости» в цепи выстроенного им пути наверх, когда Рэндом прожигает жизнь, «вдыхает отравляющий воздух социального и амурного успеха» и его вот-вот настигнет удача (он пожнет плоды выгодного брака с мисс Снэппер), отбрасываются после «судьбоносной встречи с Нарциссой» [3, с. 415, 417, 444; 7, р. 40; 5, р. 120]. Смоллеттовский протагонист, в имени которого уже заложена установка на двойственность и противоречивость, открывает в себе новую грань – не столько искателя приключений, сколько человека чувств.

Спустя время, еще раз попав в Лондон после отчаянных попыток «выиграть состояние» за карточным столом (главы LX–LXIV), герой испытывает страдания из-за внезапного отъезда Нарциссы, которую из Бата увозит брат [3, с. 452, 455]. Родрика настолько увлекает внешний поток жизни и стремление использовать все средства для достижения цели, что он не замечает, как преступает черту. Тщеславие, бедность сыграют с ним злую шутку: Рэндома уличают в обмане, арестовывают, препровождают в «мрачное жилище», «маленькую, жалкую комнатку» долговой тюрьмы Маршалльси, где он, демонстрируя свое «горячее пристрастие к belles lettres», знакомится с поэтом Мелопойном, чья судьба, мучительные ощущения творческого кризиса во многом напоминают смоллеттовские [3, с. 456–458, 461]. Спасенный дядей, Рэндом совершит с ним морское купеческое плавание к берегам Гвинеи, неприглядно обогатится, торгуя рабами, остановится в Буэнос-Айресе, где найдет отца (дона Родриго), затем отплывет на Ямайку и спустя полтора года вновь вернется в Лондон (глава LXVII), уже не как «охотник за приданым» и герой холодного, трезвого рассудка, а как «великодушный и чувствительный человек», где встретится с «верной и любящей Нарциссой» [5, р. 124; 3, с. 445, 495, 500–508].

Любопытно, что Лондон, представляющий ядром житейского опыта, не станет итоговой остановкой в пути смоллеттовских протагонистов, которые, совершая

движение по кругу, стремясь найти ответ на вопрос, «где дом: в сельской местности, на дороге, либо в городе» [4, p. 17], замещают мирские поиски ('the secular quest') на духовные искания ('the spiritual quest'), покидают город, предпочитают вернуться вместе с обретенными возлюбленными назад в провинцию (Т. Престон, 1975), утопический сентиментальный мир «простоты и нежности» (А. Жилова, 2002).

Лондон оказывается местом действия всех смоллеттовских романов, несмотря на то, что его «невероятно подвижные» герои большей частью проводят свою жизнь в больших городах (Флоренции, Генуе, Пизе, Вене, Париже, Белграде, Праге, Брюсселе, Бате и др.). Лондон Смоллетта, который, подобно Хогарту в живописи и графике, стремился запечатлеть английскую столицу, во многом предвосхищает Лондон Диккенса. Это не только пространство, наделенное территориально-географическими признаками, в каждом из текстов имеющее свои доминанты⁸, но и мир, где инициатива в устройстве жизни, власть, свобода выбора профессии, образования принадлежат мужчинам. Смоллеттовские героини, страдающие, незащищенные, преследуемые нищетой, редко получают толику счастья, если только судьба не подарит им достойного избранника.

Библиографические ссылки

1. *Матченя С. Р.* К вопросу о гендерной структуре романа Т. Смоллетта «Приключения Родрика Рэндома» / С. Р. Матченя // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: научный журнал. – 2011. – Вып. 1(2). – С. 137–140. – (Серия «Филология и искусствоведение»).
2. *Пакина Е. В.* Типология женских образов в романах В. Скотта : автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» / Пакина Елена Владимировна ; Нижегородский госуд. пед. ун-т. – Нижний Новгород, 2004. – 22 с.
3. *Смоллетт Т.* Приключения Родрика Рэндома / Т. Смоллетт ; пер. с англ. А. Кривцова, Е. Ланн. – М. : Худ. лит., 1949. – 552 с.
4. *Beasley J. C.* Tobias Smollett Novelist / J. C. Beasley. – Athens, Lnd. : University of Georgia Press, 1998. – 259 p.
5. *Bouce P.-G.* The Novels of Tobias Smollett / P.-G. Bouce; translated by A. White. – Lnd, N. Y. : Longman, 1976. – 406 p.
6. *Gibson W. L.* Art and Money in the Writings of Tobias Smollett / W. L. Gibson. – Lewisburg : Bucknell University Press, 2007. – 227 p.
7. *Giddings R.* Tobias George Smollett / R. Giddings. – Lnd. : Greenwich Exchange, 1995. – 76 p.
8. *Goldberg M. A.* Smollett and the Scottish School. Studies in eighteenth-century thought / M. A. Goldberg. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 1959. – 191 p.
9. *Jones R. J.* Tobias Smollett in the enlightenment : travels through France, Italy, and Scotland / R. J. Jones. – Lewisburg : Bucknell University Press, 2011. – 221 p.
10. *Knapp L. M.* Tobias Smollett. Doctor of Men and Manners / L. M. Knapp. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1949. – 362 p.
11. *Melville L.* The Life and Letters of Tobias Smollett (1721–1771) / L. Melville. – Washington, NY : Kennikat Press, 1966. – 319 p.
12. *Noirard St.* Circle, pyramid and mirror, 'Roderick Random' and the question of form / St. Noirard // Cercles, Occasional Papers. – 2010. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cercles.com/occasional/ops2010/noirard8.pdf>
13. *Probyn Cl. T.* English Fiction of the Eighteenth Century 1700–1789 / Cl. T. Probyn. – Lnd, N. Y. : Longman, 1987. – 244 p.

⁸ В «Родрике Рэндоме» – это тернистый путь мужания и в то же время возможность реализации матримониальных планов, обретения богатства и высокого социального статуса, в «Перегрине Пикле» – желанное пространство досуга, «великая столица» развлечений, «веселого образа жизни» в обществе светских людей, в «Фердинанде Фатоме» – «грандиозный маскарад, где честолюбец, жаждущий успеха, надевает тысячи масок, не боясь разоблачения», в «Ланселоте Гривзе» – «огромный лабиринт», состоящий из тюрем и больниц, домов для сумасшедших.

14. *Rousseau G. S.* Tobias Smollett. Essays of Two Decades / G. S. Rousseau. – Edinburgh : T.&T. Clark Ltd., 1982. – 207 p.

15. *Skinner J.* Constructions of Smollett: a study of genre and gender / J. Skinner. – Newark, Lnd. : University of Delaware Press, 1996. – 267 p.

16. *Spector R. D.* Smollett's women: a study in an eighteenth-century masculine sensibility / R. D. Spector. – Westport : Greenwood Press, 1994. – 197 p.

17. *Spector R. D.* Tobias George Smollett / R. D. Spector. – N. Y. : Long Island University, Twayne Publishers, Inc., 1968. – 175 p.

18. Tobias Smollett, Scotland's First Novelist: new essays in memory of Paul-Gabriel Bouce / [edited by O. M. Brack]. – Newark : University of Delaware Press, 2007. – 320 p.

Надійшла до редколегії 22.04.2014 р.